

Эпизод \[136й]\[136й]\[136й]\[136й]

ЗАМПОЛИТ ЭСКАДРИЛЫ

- >> Капитан Хотеев: ни слова в полёте
- >> И опять «семачки»
- >> Курсант Витя Булыгинов
- >> Ст. лейтенант Трошин *(продолжение)*
- >> Замкомэска по политчасти капитан Капанов
- >> «Полупетля!!»
- >> Шакал *(продолжение)*

21 сентября 1972 г. (четверг)

Маска нам говорит больше, чем лицо. Оскар УАЙЛЬД Вот и начало полётов в Миргороде. И действительно на грунт садиться мягче, чем на бетон. Это хорошо чувствуется, извините, задницей.

Первые полёты были с Хотеевым по кругам. За все три показательные полёта капитан по СПУ не сказал мне ни слова. От его молчания я стал почему-то нервничать. Всё-таки новый для меня аэродром! Мог бы и рассказать, и показать, хотя бы в первом полёте! В Круче давно уже заходили на посадку по ориентирам, там каждый населённый пункт, каждая дорога, каждый куст были знакомы. А здесь всё надо осваивать по новой. Да и контакт по СПУ был бы нелишний. Как-то уютнее, когда с тобой разговаривают.

Я пытаюсь ввести во второй разворот, Хотеев ручку в обратную сторону: рано, мол. Потом, так же молча, постучит по ручке: сейчас давай, вводи! И так все три полёта.

Назло Равилю приземлялся без замечаний. Во всех трёх полётах даже колёсики о бетон раскрутил.

После заруливания кэзэ вылез из кабины и, не сказав ни слова, глянул в помятую плановичку, что извлёк из своего кармана, и пошёл на другой самолёт лететь с очередным курсантом.

А он-то чего на меня дуется? Интересно, Хотеев с другим тоже будет молчать? Или он, сволочь, молчит лишь со мной?

На новом месте личный состав быстро разведаль, что по соседству с аэродромом тоже есть поле подсолнечников, которое ещё не успели убрать. И поэтому прожарка семечек в сопле зарулившего самолёта продолжилась. Вот и сейчас Витя Булыгинов, только затолкали наш Эл на место, тут же высыпал большую горку семян на раскалённое железо сопла. Пока заталкивали ещё одну зарулившую Элку, пока я подгонял ТЗ, семечки уже были готовы. Подхожу. Витёк угощает двумя большими жменями. Сыплю в карман и потом от ТЗ подаю механику заправочный пистолет.

От только что зарулившей Элки отходит Журавлин, прилетевший на ней с нашим инструктором. Булыгинов и его угощает. Увидев это, тут же рядом оказывается Трошин и...

Чёрт! Мне стало не по себе! Мой командир экипажа снова беззастенчиво лезет в карман другому. И выгребает у Витьки все – представляете: все! – семечки себе! Добавляет с улыбкой:

— Ты себе ещё нажаришь!

Витя стоит покрасневший. Ему самому неудобно... Он, конечно, промолчал, отходит с потеряннм видом. Что у него внутри, только ему ведомо.

Я догоняю своего товарища и, затащив за фюзеляж стоящего рядом Эла, достаю из своего кармана те семечки, которыми он поделился со мной.

— На, возьми! — достаю я и достаю. Всё-таки он много тогда дал.

— А ты? — Булыгинов глянул мне в глаза.

— Та что-то не хочется! Уже язык весь болит от этих чёрных семечек, — улыбаюсь я, выгребая последнее. Семечки были крупненькие, одно семя к одному, и вкусные. — Вот если бы были белые, тыквенные!..

— Ну и сволочной же у тебя инструктор! — говорит Витёк.

— Ладно! Забудь! И держись от него подальше! С семечками! — похлопал я парня по плечу. — Пойду готовить свой масалёт! Лететь надо! А ты чего не летаешь?

— Летаю. У меня следующая заправка на 67м!

— Удачи тебе в полёте, Витёк!

— Тебе тоже, Юр! Ты – хороший парень!

— Тоже мне, удивил! — смеюсь. — Я это знаю!

Вдогонку:

••>> *О себе размышлять плохо не хочется, а хорошо – не поверите.*

Из записных книжек офицера

...Потом был полёт на облёт района полётов и пилотажных зон. Там немного успокоился – в заднем кабинете сидел замполит эскадры капитан Капланов Владимир Анатольевич, выпускник нашего училища 1968 года. Но для него район тоже был новым. Поэтому мы вместе с интересом рассматривали ориентиры. Вот река Хорол, например, хорошо видна со всех сторон! А на ней и расположена большая деревня, что Миргородом названа. Поэтому в случае отказа навигационных приборов по речке можно выйти на город, а затем отыскать свою точку.

Отошли от аэродрома. На пути во вторую пилотажную зону капитан создаёт крен, и

мы в развороте рассматриваем подстилающую поверхность под нами.

— Кручинин, что это за населённый пункт? Гоголево или Шишаки?

— Гоголево!

— Да? А выглядит как Шишаки!

Я засмеялся этой шутке.

— Так ведь Гоголево на железной дороге стоит! А Шишаки – на берегу реки Псёл!

— Соображаешь! — хмыкнул Капланов, выводя Эл из крена.

Прошли все зоны, просмотрели все ориентиры. Не знаю, как он, а я, конечно, сразу всё не схватил.

— Куда лететь? Где точка? Отсюда сам бы вернулся домой?

— А что сложного-то здесь, товарищ капитан? Наш аэродром слева-сзади!

— Молодец, ориентируешься хорошо!

Разве это трудно? Я же помню, как мы отходили! Это же не первые наши полёты, когда глаза дикие, всё новое и ни черта не смыслишь! Или ещё проще – посмотрел на стрелку автоматического радиоконуса – и никаких тебе проблем! Она-то всегда указывает, где наш аэродром! Откажет АРК, запросить пеленг на канале пеленгации. А вот если откажет радиоборудование, тогда плохо! Искать надо будет реку Хорол.

Когда входили в третью зону, Капланов даёт команду набрать высоту.

К центру зоны наскребли 4100.

— Ну что? Комплекс «переворот – петля – полупетля» выполнишь сам?

— Да вроде не забыл ещё, как это делается!

— Ну, давай! Только учти: мы без противоперегрузочных костюмов! Поэтому будь готов и резко не тяни! Давай, вправо!

«А вы, оказывается, воздушный хулиган, товарищ капитан! — улыбаюсь под маской я. — Фигуры сложного и простого пилотажа в этом полёте заданием не предусмотрены!»

Уменьшаю обороты до 80%, подтягиваю ручку управления. Зафиксировав угол кабрирования 15°, и уменьшив скорость до 250 км/ч, кладу её, Элку, на спину (прелесть, какие ассоциации!), устраняю крен и потянул-потянул ручку на себя.

Земля под нами вспухла и понеслась навстречу стрелой. Скорость стремительно нарастала, высота падала. Силуэтик на авиагоризонте облизывал коричневую шкалу. Вот он перевернулся в нормальное положение. На угле пикирования 30° плавно вывожу обороты на максимал и начинаю подводить Эл к горизонту чуть медленнее, следя за скоростью и высотой.

Скоростёнка приближается к отметке 550, а высота – к делению 2000 метров. Отменно! Мы в горизонтальном полёте! И плавно потянул ручку на себя, потянул, потянул! Тело свинцом вдавливается в сидение, руки тяжелеют. Как жаль, что не одел ППК!..

К углу 45° довожу перегрузку до пяти единиц по акселерометру (ППК-то нет и в трусах ничего не подскажет о достижении нужной перегрузки) и слежу за положением силуэтика на АГД. Вот он переворачивается вверх тормашками. Это значит, что и мы летим вверх колёсами по отношению к земле. И я уменьшаю тянущие усилия на ручке управления – давящие усилия перегрузки тут же начинают приятно спадать, кровь приливает к верхней части тела.

Судя по высотомеру, голубушка земля стремительно понеслась от нас. Но мы её не видим, а только чувствуем спиной! Она у нас где-то сзади!

Где же ты, горизонт, где? Я поднимаю кверху глаза, в поисках этой чёткой линии. Знаю: в задней кабине инструктор также ждёт горизонт. Его глаза тоже где-то в районе собственных бровей.

Горизонт, быстрее горизонт бы увидеть!.. Подкручиваю... А вот и он!

Хорошо выходим, без крена! Кладу капот на линию, отделяющую небо от земли. Скорость? 215! А по Инструкции нужно не менее 180! Отлично вышли! Высота? 3900... Маловато! Но в пределах! И я выполняю вторую часть петли Нестерова.

Потянул-потянул! Прелесть какая! Опять земля-матушка несётся на нас, опять чувствуем перегрузочку, опять перевожу самолёт на положительные углы пикирования. Но оборотики сую пораньше, чтобы скорость разогнать быстрее.

Вот и славненько! Снова к горизонту заданные параметры: скорость 550 и высота 2100...

— 18й, зону освободили? — интересуется РП.

— Освобождаем! — не даёт мне ничего вякнуть в эфир Капланов, отвечая за меня.

— Полупетля!! — орёт он сзади истошно по СПУ.

В смысле: «Продолжаем задуманное!»

И я тяну на третьей секунде с перегрузочкой пять с половиной ручку на себя. Натё вам, товарищ капитан! Какие ощущения! Ах, знал бы, одел бы ППК!

А инструктор? Как, вы там, в задней кабине, довольны праздником жизни? А к такой перегрузке сгруппироваться телом, напрячь мышцы пресса вы, Владимир Анатольевич, успели? Ведь пилотирую я, а не вы! И в этом вся трудность работы лётчика-инструктора!

В верхней точке на скорости 200 выполняем полубочку, выводя Эл в горизонтальный полёт. На высотомере – 3900 метров! Блеск! Ай да я!

— Занимай 1800! Пошли домой!

Поскольку аэродром был слева и сзади нас, я сваливаю самолёт влево в полупереворот с креном 120°, зная уже наверняка, что инструктор ничего против иметь не будет. И снова приятная тяжесть с возбуждением наливает все члены!

«Я люблю тебя, жизнь!.. И надеюсь, что это взаимно!..»

Затем, переведя на положительные углы пикирования, занимаю заданную нам для просмотра зон высоту. Беру курс на точку. В горизонтальном полёте обороты не увеличиваю, гашу избыток скорости.

Перехожу на канал пеленгации и запрашиваю:

— Рубеж-пеленг, 18му прибор?

— 18му прибор – 272, я – Рубеж-пеленг!

— Понял, 272! — отвечаю, посматривая на указатель скорости.

— Правильно поняли, 18й!

Возвращаюсь на стартовый канал. Согласовываю ГИК-1. И под стрелочкой АРК на компасе отметка 270° – значица, идём верно! Остановил, сбросил и снова запустил секундомер бортовых часов. На 300 км/ч вывожу оборотики 85%.

— 18й, третью освободили! Иду на точку 1800!

— 18му в круг большого на своей <высоте>!

Капелька пота выбегает из-под шлемофона и, щекоча, медленно ползёт к правой брови. Смахиваю её рукой в перчатке. И, переведя рычажок на несколько щелчков вправо до упора, включаю обдув от скоростного напора.

Прохлада... Хорошо!

Сзади тоже слышу такие же щелчки. Это инструктор наслаждается струёй свежего забортного воздуха.

Интересно, как там мой школьный друг Толя Капанков в Самаркандском танковом? Написал, что на вождении при спуске по крутому склону, перепутал педаль газа и сцепления и они грохнулись с верхотуры. Толяну ничего, а сержанту, что сидел на месте командира танка, рассекло лобешник! Ну, правильно, навыки пока минимальные!..

Нет, друг мой Толик, танки – это не для меня!.. Мне вон лучше нацепить на себя плотно подогнанный противоперегрузочный костюмчик да почупахаться в воздухе, насладиться не только пилотажем, тем, что пилотируешь сам, что тебе полностью послушен реактивный самолёт, но и отхватить приятнейшие ощущения от пилотажа!

Вдогонку:

••>> *Кто не хочет, когда может, не сможет, когда захочет.*

Из записных книжек офицера разведки

••>> *В этой жизни есть только три вида удовольствий – секс, секс и секс. Впрочем, насчёт третьего я не уверен.*

Геннадий МОСКВИН

••>> — И главное здесь – не размер оружия, а умение им пользоваться!

Из репортажа с соревнований по биатлону

••>> *Не хочешь попасть в рабскую зависимость от секса – ищи в жизни другие интересы. Иначе он разрастётся, как гигантский гриб, заполнит собой все уголки и поры твоего существа. Секс должен служить развлечением, хобби, – не целью жизни, её единственным смыслом. Неслучайно именно необразованная беднота больше всех занимается сексом. У этих людей нет других интересов. Мужчина берёт женщину, только чтобы показать, что он на это способен. Пыхтит ради самоутверждения, доказывает себе и другим, что он – мужчина.*

Уильям ВУЛФОЛК, «Кино для взрослых»

...Вернулись к аэродрому. Бетонная ВПП и стояночные «ромашки» с Ту-16 хорошо видны издали. Выбирай себе любую цель и атакуй! Но в годы войны точка будет хорошо прикрыта ПВО, просто так к ней не подойдёшь, не выберешь, не атакуешь! Во всяком случае, безнаказанно точно не уйдёшь! Это только неумные сценаристы в фильмах о лётчиках военных лет с экрана нам вещают, как наши пилоты пишут послания немецким асам, вызывая их на воздушную дуэль. А затем сбрасывают письмо им на аэродром... Да зенитчики этим дуракам такую дуэль пропишут, что мало не покажется! А затем, если ноги унесёшь, свои особисты кишки на руку намотают за письма немцам!..

С разрешения РП снизились. Вошли в круг полётов.

— Товарищ капитан, вы мне больше расскажите по кругу, когда и где начинать первый разворот, когда второй, третий. А то всё новое.

— Так для меня тоже новое! — хмыкнули из заднего кабинета. — Ну, ладно. Вот, проходим полосу, засекаешь время... Прошли 15 секунд, высота 500, скорость 300, выполняешь первый разворот. Понял?

С каким именно креном выполнять разворот, он не говорит. И ежу ясно, что 30°! Это уже как семечки!.. Ввожу в крен.

...Семечки... Ай да Трошин! И ведь не стыдно – отобрать всё у курсанта и сказать: «Ты себе ещё нажаришь!» Мой командир экипажа, по-видимому, из того случая со Славой Рюкиным сделал такой вывод: к солдату в карман лезть нельзя, а курсант промолчит! Даже если этот курсант не из его группы и из другого звена! Ведь сказал, что ещё нажаришь с улыбкой, а, значит, все вокруг должны понять, что старший лейтенант пошутил!..

Я тяжело вздыхаю.

Когда развернулись под прямым углом к курсозадатчику на компасе, вывожу в горполёт.

На высотомере ровно 500 метров. На указателе скорости – 300 км/час. Горизонтальный полёт давно уже въелся в кровь. Сейчас это уже – как езда на велосипеде.

— Идём до второго! Тоже засекаешь время. А можно и по видимым частям самолёта. Давай, научу тебя визуально! Оборачиваешься. Вот. Смотришь, как проецируется аэродром через твоё крыло. Это ещё рано... Рано... А вот теперь, когда проекция ВПП подошла к задней кромке крыла, выполняем второй разворот. Понял, да? Запомнил?

— Ух ты! Класс!

Когда-то нам это говорили, нас этому учили. Но потом привыкли в Круче пилотировать по ориентирам. Там район третьего разворота хорошо виден издали – элеватор на железнодорожной станции Гребёнка. А знания, что не используются, быстро стираются из памяти.

Развернулись. Идём с курсом, обратным посадочному.

— Здесь контролируешь ширину маршрута. И тоже по проекции крыла на ВПП. Вот это у нас нормальная ширина. Видишь, между полосой и кромкой крыла где-то полметра! Это нормальная ширина маршрута. Понял, да? Если больше или меньше, надо курсом корректировать свой маршрут полёта. А у нас нормально, корректировать не надо!

На траверзе начала ВПП прибираю обороты и гашу скорость ниже 290 км/ч. Момент выпуска шасси определяю сам. Даже выпускаю чуть раньше – чтобы инструктор не успел подсказать. Чтобы он чувствовал: я тоже кое-что в полёте соображаю!

Контролирую выпуск по лампочкам на табло, давлению в гидросистеме и механическим указателям. Бегло оцениваю запас воздуха в системе.

Всё выпущено, всё у нас нормалёк.

— А теперь смотришь на КУР. Как только он стал 250-260°... Вот... Вот сейчас! Выполняешь третий.

— 18й, на третьем шасси выпустил!

— 18му, заход!

— Понял.

И я ввожу Эл в разворот с креном 40.

— Вот. КУР-350° – выводим из разворота... Так... Секунд десять прошёл, выпускаем закрылки на 15... Переводим на снижение...

От выпуска закрылков Эл «клюнул» носом, я привычно подбираю ручку управления на себя, автоматически переставляю триммер на кабрирование.

— Держи, держи уголок! Много не выбирай из угла! Иначе большая высота

окажется на четвёртом [развороте]. И придётся в точку выравнивания пикировать!

Мы прошли ещё немного.

— А теперь – на посадочный!.. Только за скоростью следи! Во-от! Поддержи оборотиками! Хорошо!

В наушниках слышались длинные приятные звуковые посылы маркера дальнего привода.

— Доклад!

Я выпускаю закрылки на 30°, дожидаясь, когда загорится зелёная лампочка выпуска закрылков в посадочное положение, и потом жму кнопку передатчика:

— 18й, полностью!

— Садитесь, 18й! Справа под 90, пять!

Значит, ветер боковой пять метров в секунду! Это для Л-29 хороший ветерок! Учтываю снос, планируя чуть правее полосы – ветер поднесёт. Внимательно слежу за направлением и скоростью.

Три кита капитана Хотеева: угол – скорость – снос!

Угол – заданный. Скорость уменьшается, и я поддерживаю её оборотами двигателя.

Скорость – угол – снос!

Снос... Планирую на правую сторону широченной ВПП, но с помощью ветра сядем уже по центру.

Скорость! Я ещё добавляю оборотики, не дожидаясь подсказки по СПУ.

— Так! Хорошо! Молодец! Идём правильно! Скорость поддерживаешь РУДом...

На высоте 100 м в наушниках приятно заурчали короткие тональные сигналы. Это, ясный перец, мы прошли ближний привод! Значит, до полосы километр.

— В точку выравнивания, в точку... Не выбирай из угла! К выравниванию...

— ...двести км в час! — досказываю я.

— Совершенно верно! Двести и ни километра, ни полкилометра меньше!

Подвожу Эл к бетону чуть свысока, досаживаю его. Ошибку устранил сам, без вмешательства из задней кабины.

— Ну, сел чуть свысока, ну ничего, справился! — журчит сзади замполит. И пока бежим, интересуется: — Как тебе бетон?

— Жестковато, товарищ капитан! — и начинаю торможение.

— Это же бетон! — смеются в задней кабине. — Зато смотри, какая широкая полоса! Не промахнёшься!

— Эт-точно! — улыбаюсь я в кислородную маску.

Срулили. Убираю закрылки и докладываю:

— Освободил!

Мы занимаем магистральную рулёжку и медленно рулим мимо зачехлённых «Тушек». Убираю кислородную маску с лица и она повисает у меня на ремешках у подбородка.

— Вот сарай! — делится своими впечатлениями Капланов. — Скажи, громилы!

— Мгм! Интересно, сколько он берёт стратегических ракет?

— Одну! Ту-16 – одну! Но эта одна может столько бед противнику наделать, что мало не покажется! Тактику ВВС изучали?

— Пока нет!

— А, ну да! На четвёртом курсе всё расскажут – и про своих, и про чужих. Всё

будете описывать в секретных конспектах!

После полёта подхожу за замечаниями.

— Сам бы сел?

— Да вроде сложного ничего нет!

Мимо близко от нас проходит Хотеев. И я, чтобы ему было хорошо слышно, громко говорю:

— По кругу вы мне всё рассказали подробно, всё очень хорошо показали! Мне кажется, я хорошо всё усвоил! А до вас, ну совершенно ничего неясно!

Равиль зыркнул в мою сторону. Мне не ведомо, понял ли он, что это небольшой укор ему за молчание в полёте?

Не знаю, кому как, а мне полёт с капитаном Каплановым в качестве инструктора понравился! Вот легко с ним летать! И расскажет, и объяснит!

— Хорошо! Давай, отдыхай! — улыбается Капланов.

Ему тоже приятно, что мои слова услышал Хотеев.

Я козырнул и уже почти отошёл, когда окликаю замполита:

— Товарищ капитан! Говорю искренне: мне понравился полёт с вами! Но тут такое дело... Есть у нас одна гнида, которая меня перед нашими командирами мажет дерьмом, придумывая от моего имени слова, которые я никогда не говорил. Ну, чтобы на меня мои инструкторы смотрели зверем.

— А кто?

— Вы сами его увидите. Он может и к вам подойти, если не сегодня, то завтра! Или на днях. Так вот, ещё раз! Мне понравилось с вами летать! Про то, что мы крутанули в полёте комплекс, я вообще никому не буду распространяться! Если он подкатит и будет говорить, что я будто бы говорил про наш полёт и про вас какую-нибудь пакость — не верьте! Предложите ему повторить те же слова и фразы, которые он якобы слышал от меня, в моём присутствии! И вы заметите, как от волнения у этого подонка обильно покрывается бисеринками пота над верхней губой! Это верный признак того, что этот подлец лжёт, и он сознаёт это!

— Кажется, я знаю, о ком идёт речь! Хорошо! Спасибо!

Я иду в лётный домик. С разбегу плюхаюсь на диван рядом с Журавлём.

— Как тебе новый район полётов? — интересуется Вовка.

— Район, как район! Реки Хорол, Псёл, города Миргород, Гоголево и Шишаки его делают более характерным, легче ориентироваться!

— Как Капланов?

— Отменно! Мне с ним летать понравилось! И покажет всё хорошо, и расскажет!

У бильярдного стола с кием в руках стоял Галага. Он посмотрел на меня и наши глаза встретились.

На обеде обращаю внимание, как Румын, заметив закончившего приём пищи Капланова, подсакивает из-за своего стола, почти на ходу допивая компот, и устремляется к выходу за замполитом.

«Давай, давай! Посмотрим, как это у тебя сейчас выйдет!»

Закончив трапезу, я тоже встаю. В комнате отдыха подхожу к окну и вижу стоящих на асфальтированной дорожке Капланова и Галагу. Последний что-то внушает Владимиру Анатольевичу.

Тогда я тоже иду к выходу, чтобы пройти, так сказать, лихим на помине, рядом с ними. Вроде как мне тоже на стоянку надо.

Вышел из лётного домика. И слышу реплику Капанова:

— Не ври, Галага! Ты ничего про наш полёт не знаешь! А, значит, он это не говорил!
— и, заметив меня, замполит говорит: — А вот и он! Давай сейчас спросим у него!

Галага, зыркнув в мою сторону, поворачивается ко мне спиной, заслоня Капанова и что-то продолжает тихо внушать.

Подхожу ближе с намерением пройти мимо. Петро тут же замолкает.

— Я не нужен, товарищ капитан? — интересуюсь, слегка улыбаясь. — Это как раз то, о чём мы с вами говорили!

— Я это уже понял! — усмехается Капанов и смотрит на галагинскую верхнюю губу.

— Я тоже!

И прохожу на стоянку к 72му Элу, чтобы поболтать с Сашей и Олегом, пока их самолёт находится в воздухе.

«Эх, если бы замполит поговорил об этом с Трошиным и Хотеевым! Но ведь не догадается завести об этом разговор! Не догадается!»

...На построении Пётр Галага был злой, как шакал!..

Вдогонку:

••>> Шкраб в лётном училище должен обладать двумя качествами – выносливостью обезьяны и неутомимостью попугая.

Кто-то из современников

••>> Вы можете меня любить иль ненавидеть,

□□□□ С собою звать, иль гнать во тьму.

□□□□ Вы даже можете презрением обидеть.

□□□□ Увы, смиритесь. Я переживу!

NN

Зарницы памяти. Эп.136

Автор: Юрий Фёдоров

Facile est, ubi omnia quadrata currunt! 🍷
<<•>> И среди людей больше копий, чем оригиналов. Пабло ПИКАССО <<•><•><•>>

<<•>>

Не плачь, потому что это уже прошло. Улыбнись, потому что это было.

Габриэль Гарсиа МАРКЕС

<<•><•><•>>

<<•>>

Человеком мало родиться, им нужно стать.

Иоганн ГЁТЕ

<<•><•><•>>

<<•>>

*У тебя плохое настроение? А ты попробуй без улыбки произнести: «Миша, Мишенька, Медведь! Научи меня перд*ть!!»*

Кто-то из современников

<<•><•><•>>

<<•>>

Клевета двоих делает преступниками, а третьего – жертвой.

ГЕРОДОТ Галикарнасский

<<•><•><•>>

<<•>>

Даже тончайший волос отбрасывает тень.

Публилий СИР

<<•><•><•>>

<<•>>

Кто умеет льстить, умеет и клеветать.

НАПОЛЕОН Бонапарт

<<•><•><•>>

<<•>>

В злословии, как и в краже, виноватым считается потерпевший.

Филипп Дормер Стенхоп ЧЕСТЕРФИЛД

<<•><•><•>>

<<•>>

— Злые языки страшнее пистолета.

Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ, «Горе от ума»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Поверили глупцы, другим передают,

□□□□□ Старухи вмиг тревогу бьют –

□□□□□ И вот общественное мнение! Александр Сергеевич ГРИБОЕДОВ, «Горе от ума»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Как быстро всё узнаётся в Оксфорде!

□□□□ — Да, слухами деревня полнится. Из худ. к/ф-ма «Оксфордские убийства» <<•>

<•><•>>

<<•>>

— Я стараюсь не задумываться о добре и зле – процессоры начинают тормозить!

Из худ. сериала «Андромеда»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Про этих я вам сейчас такое расскажу!.. Так вот, эти...

Из тел. худ. сериала «Цыганки»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Ленинград – город маленький, Андрей Палыч.

Из худ. к/ф-ма «Осенний марафон»

<<•><•><•>>

<<•>>

— А у меня другая информация... Говорят, в спецназ готовитесь.

□□□□□ — Это кто же говорит?

□□□□□ — «Говорит Москва!» Все говорят! Из худ. сериала «Солдаты» <<•><•><•>> <<

•>>

— Дилон, добро не существует без зла, а свет – без тьмы! Они дополняют друг друга. Оба внутри нас и снаружи нас. Но баланс – твоё дело, твой выбор. Бездну не интересуют твои слабости. Ей интересна твоя тьма. Через неё она входит в нас и растёт. Растёт!

□□□□ — Я боюсь не чёрной дыры, Дэн, а потери всех, кого люблю!

□□□□ — Это и есть твоя тьма. Из америк. худ. сериала «Андромеда» <<•><•><•>> <<•>

>

Стоп, стоп, стоп! Слишком много длинных слов!

Из худ. сериала «Побег»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Можно с тобой посплетничать?

□□□□□ — Обожаю сплетничать! Обсуждение коллег, разговор за спиной. Из худ. сериала «Доктор Тырса»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Василь Васильевич, вы что-то сказать хотите?

□□□□□ — Трепанируйте дальше, Борис Петрович! Вы ведь хирург! Из худ. к/ф-ма «Верные друзья» <<

•><•><•>>

<<•>>

— Слушайте, я сейчас вам о ней всё расскажу! Я уже о ней такие подробности знаю!

Из худ. к/ф-ма «Из жизни отдыхающих»

<<•><•><•>>

<<•>>

— Почему все вокруг обсуждают мои дела?

□□□□ — Людям нравится обсуждать людей! Даёт нам чувство превосходства! Будто всё от нас зависит! И порой узнав что-то важное, мы получаем шанс проявить заботу! Из америк. худ. сериала «Доктор Хаус»

Исходники доступны бесплатно. Мы можем не только в
каждый момент скачать исходники для ПК или на сервере. Для авторов